
АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ В ДНЕВНИКАХ ЛЕВОНА МКРТЧЯНА

В дневниках Левона Мкртчяна (а он их вел ежегодно и с самого начала литературного пути) имя Александра Межирова упоминается, пожалуй, чаще имен многих других поэтов и писателей, с кем Мкртчян был знаком, дружил и чьи литературные портреты гармонично вписались в соответствующие разделы сборников прозы Мкртчяна - критика, литературоведа, теоретика художественного перевода. Это позволяет с большой долей вероятности предполагать, что и Межиров не был бы обделен вниманием Мкртчяна, и его портрет, несомненно, занял бы свое достойное место в ряду таких мкртчяновских портретов, как Веры Звягинцевой, Марии Петровых, Корнея Чуковского, Александра Гитовича, Уильяма Сарояна, Давида Самойлова, Михаила Дудина...

Приступив к выбранной теме, я хотела назвать ее «Работа Левона Мкртчяна над портретом Александра Межирова», но, ознакомившись с материалом ближе, поняла, что корректнее было бы назвать публикацию так, как я ее назвала. Потому что собственно к работе над этим литературным портретом Левон Мкртчян и не приступал, он просто вносил в свои дневники какие-то записи, из которых в дальнейшем сложил бы портрет. (Сомневаться в этом не приходится: такие же записи легли в основу всех перечисленных портретов). Неизвестно, как бы он компоновал весь материал, какие акценты были бы расставлены. Предполагаю, что особо была бы выделена тема «Межиров – потенциальный переводчик «Книги скорби» Григора Нарекаци». Предполагаю потому, что Мкртчян и без дневников не упускал случая вспомнить Межирова, несостоявшегося переводчика «Книги скорби», вспомнить его стихи-признание¹:

*Намеревался жизнь дожить для виду,
Сосать чужой поэзии сосцы –
И послужить армянскому Давиду,
Слагателю псалмов – Нарекаци.
Намеренье мое – дитя гордыни, -
За то, что возомнил, сполна плачу:
Аз ныне,
Постигающий в унынье,
Что мне Нарекаци – не по плечу.*

¹ Стихи датированы 1970 годом и вошли во второе, расширенное издание составленного Л.Мкртчяном сборника «Читая Нарекаци. Отклики на русские переводы «Книги скорбных песнопений»». Ер., Наири, 1997 г., с.166. Первое издание вышло в свет в 1974 году, когда Мкртчян, несмотря на признание Межирова, продолжал надеяться, что он все-таки переведет «Книгу скорби».

Предполагаю, что определенное место было бы отведено и письмам поэта, немногочисленным, поскольку каждый приезд Мкртчяна в Москву (а ездил он в год по нескольку раз) сопровождался непременно встречей с Межировым и продолжительными беседами.

Однако это всего лишь предположения, и потому после некоторых сомнений я пришла к выводу, что правильнее было бы просто в хронологическом порядке опубликовать часть записей Мкртчяна о Межирове², включив в публикацию те письма, которые Мкртчян вложил в дневники. Эти архивные материалы позволяют составить представление как о герое дневников Мкртчяна, так и об их авторе, которого Александр Межиров в своей записке Виктору Некрасову³ назвал близким другом. Написанная в марте 1987 года эта записка была вложена в дневник 1987 года. В дальнейшем я вернусь к ней и приведу весь ее текст, а пока начну с дневника 1968 года, когда Мкртчян готовил к изданию юбилейный трехтомник Ованеса Туманяна⁴ и несколько глав «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци⁵.

Каринэ Саакянц

1968 г.

В дневник вложен листок с машинописным текстом:

«Александр Межиров.

Я просил Межирова сделать некоторые переводы с армянского. Но поэт очень занят. Сейчас все хотят, чтобы их переводили или Межиров, или Самойлов. А они, естественно, не могут переводить всех. Я говорю Межирову о Нарекаци, рассказываю, как могу, о его «Книге скорби». У меня с собой подстрочный перевод некоторых отрывков из «Книги скорби», сделанный совместно с Вазгеном Геворкяном (переводчик «Книги скорби» на совр. арм. – К. С.). Межиров берет эти подстрочники почитать.

– То, что вы мне дали вчера почитать, потрясающе, – говорит поэт на следующее утро, – у меня появилось такое желание все бросить и переводить Нарекаци. Это потрясающе сильно и современно, как, впрочем, любой по-настоящему великий поэт. Я буду его переводить. Это работа на несколько лет. Надо это делать не по-домашнему, а чтобы филологически все было хорошо обставлено, чтобы были комментарии. В Грузии хорошо получилось с переводами не только потому, что их переводили Пастернак

² Александр Межиров присутствует практически во всех ежегодниках Левона Мкртчяна и этих записей хватило бы не на одну журнальную публикацию. Здесь представлены, в основном, записи, связанные с интересом к Нарекаци, а также к обмену впечатлениями и мыслями вокруг Индии – в письмах и разговорах.

³ Некрасов Виктор (1911-1987), советский писатель, автор известной книги «В окопах Сталинграда». В 1974 г. эмигрировал в Швейцарию, затем переехал во Францию.

⁴ Трехтомник, составленный Л.Мкртчяном совместно с Л.Ахвердяном 100-летию Ов.Туманяна, увидел в свет в ереванском изд-ве «Айастан» в 1969 г..

⁵ Григор Нарекаци. Стихи. Книга скорбных песнопений (отрывки), пер. Н. Гребнева. Ер.: 1969. Составление, послесловие Л.Мкртчяна.

и Заболоцкий. Они работали по блестяще сделанным подстрочникам. Вы говорили, что есть о Нарекаци книга Мкряна⁶, нет ли ее на русском и нельзя ли перевести эту книгу. Я возьмусь за изучение всего того, что касается Нарекаци.

Меня, конечно, очень радует воодушевление Ал.Межирова. Думается, что сейчас никто из русских поэтов не сможет лучше перевести Нарекаци. Межиров прекрасно знает древнюю литературу. Вообще он филологически очень подготовлен, что весьма важно. Нарекаци не переведешь на одной интуиции и на одном таланте. Нужны знания. Нельзя, конечно, и без таланта. Межиров громадно талантлив.

С Межировым, конечно, будут установлены деловые отношения, но прежде надо найти человека, способного сделать подстрочник «Книги скорби». Надо, думается, привлечь переводчиков из Матенадарана⁷.

9 января. Сегодня говорил с Ал.Межировым. Ов Туманяна переводить не будет. Перегружен другой работой. Но заинтересовался стихами Нарекаци. Взял подстрочники (немного). Я, говорит, Библию изложил так, как Кун – древнегреческую мифологию. И Нарекаци мне интересен. Спрашивал о современных поэтах, нет ли интересных.

– Обратитесь с переводами из Туманяна к Белле Ахмадулиной, она начала с очень вольных переводов, но сейчас переводит хорошо.

– Я перевожу очень медленно: 16 строчек в день, больше не могу.

– Сейчас любят переводить верлибр: подстрочник быстро оформляют и печатают.

Заговорили о рифме.

– Вы не помните стихотворение Баратынского о рифме? Это и о рифме, и целая система.

– Сейчас, знаете, почти не осталось переводчиков.

10 января. Утром в столовой Межиров говорит:

– То, что вы мне вчера дали, – это потрясающе, у меня было такое желание все бросить и начать переводить Нарекаци. Это потрясающе сильно и современно, как, впрочем, любой великий писатель. Я буду его переводить. Надо переводить всю книгу. Это работа на несколько лет. Знаете, в Грузии все хорошо получилось с переводами не только потому, что их переводил Пастернак. Там два великолепных поэта, окончивших Петербургский университет, владеющих русским языком, отлично делали подстрочники.

Я подал Сильве Капутикян телеграмму, что буду переводить. Надо это делать не по-домашнему, а чтобы филологически все это было обстав-

⁶ М. Мкрян (1907-1983) – литературовед, труды по истории арм. лит., жизни и творчеству авторов различных веков.

⁷ Рукопись этого текста с некоторыми разночтениями помещена на странице с датой 9 и 10 января.

лено, чтобы были комментарии. Скажите мне о нем несколько слов, потом, конечно, я сам возьмусь за изучение всего, что касается Нарекаци. Если я отдал лучшие годы на переводы Марцинкявичюса⁸ (именно годы), то несколько лет я посвящу Нарекаци.

11 января. С Межировым послали письма Утмазяну и В.Мкртчяну⁹. Межиров очень сильно филологически подготовлен. Знает очень много. Рекомендовал мне почитать Н.Бердяева. «Романтика реакции» (о Леонтьеве¹⁰) и самого Леонтьева: 7,8,9 тома изданы где-то в 1906 году. Говорил о Нарекаци восхищенно.

...Прочел мою статью «Нарекаци и Достоевский», сказал, что он хотел бы иметь экземпляр. Читая, заметил: «Я бы не сказал, что Достоевский менее религиозен, чем Нарекаци».

Когда Межиров читает стихи, глаза его становятся еще более голубыми, тогда-то и видишь в них небо, но не атеистическое, а с богом.

18 января. Межиров: – А знаете, за всю свою жизнь я ни разу не был на секции поэтов у нас в Союзе писателей. – Подстрочники из Нарекаци, как будут, так и заключим договор. Надо посмотреть, сколько строк и вообще. – Говорят, в Академии делают подстрочники, надо узнать, чтобы не начать ту же работу сначала. – А вообще я работал с двумя подстрочниками, когда переводил «Стену» Марцинкявичюса. Один подстрочник делал старый литератор, другой – молодой. Получались вещи очень разные, а я разглядывал подлинник.

23 апреля. Видел в ЦДЛ Межирова.

– А я вам сегодня опустил на Солянке письмо.

Немного помялся и добавил:

– В общем с Нарекаци не получается. 1500 строчек переводит Гребнев, пусть он и переведет всё.

26 апреля.В час дня в ЦДЛ встретился с Межировым. Встречу со Штейнбергом¹¹ отложил.

Межиров:

– Времена сейчас беспокойные, дальше будет еще хуже, и нет ничего лучшего <чем> переводить сейчас гениального поэта Нарекаци. Но не могу. Покажите мое письмо к вам Гребневу, может, он согласится дать мне и эти 1500 строк?

1971

Вечером **18 января.** Переделкино.

⁸ Юстинас Марцинкявичюс (1930-2011), литовский поэт, прозаик, драматург.

⁹ Айкарам Утмазян – в те годы председатель Госкомиздата Арм.ССР. Ваагн Мкртчян – директор издательства «Айастан». Очевидно в связи с оформлением договора.

¹⁰ К.Н. Леонтьев (1831-1891), русский философ, писатель, публицист, лит. критик, социолог.

¹¹ Аркадий Штейнберг (1907-1984), переводчик поэзии, переводил Туманяна для юбилейного трехтомника.

А.П.Межиров:

– Договор я не подпишу. Я слишком хорошо изучил подстрочник Нарекаци, я его не смогу перевести. То, что сделал Гребнев, читают, но сделай он лучше, может быть, его бы не читали.

10 февраля. Сегодня Межиров подписал наконец договор на Нарекаци. Долго с ним беседовали. Читали Баратынского (стихи о рифме).

<Межиров>

– Напишите об этом стихотворении статью.

Межиров говорит, что он советовался с М.Зенкевичем¹², как перевести Нарекаци. Зенкевич подарил ему книгу «Американские поэты в переводах Зенкевича», изд-во «Худож.лит.», М., 1969, с дарственной надписью: «Дорогому Александру Петровичу Межирову с пожеланием полного успеха в новом смелом поэтическом дерзании. Дружески Мих.Зенкевич. 22 января 1971 г.»

Межиров:

– Это написано о Нарекаци.

3 мая. Звонил Межирову.

– Вас, конечно, интересуется Нарекаци. Я работаю. Перевожу свободным стихом. Как будет нечто такое цельное, я вам вышлю, а вы там посмотрите, показывать это товарищам или нет.

24 июля. В Переделкино Межиров (он теперь здесь живет, у него комната) прочел мне письмо о Нарекаци, он хотел было послать его мне. (Прочитав письмо, Межиров отдал его Мкртчяну. – К.С.):

«Дорогой Левон, пишу Вам из... Берлина (!?!), где оказался, как всегда бывает в таких случаях, по причине туманной и неубедительной (какая-то книжная ярмарка).

В Берлин со мной пропутешествовал подстрочник Нарекаци. Вот и сейчас он лежит рядом – все еще подстрочник.

До этой поездки почти три месяца неотрывно я пытался перевести хотя бы одну главу. Но, к моему ужасу, не смог перевести даже одну строку. Все попытки подчинить текст какой-то естественной для русского языка стихотворной форме приводили к таким потерям, что я чувствовал себя преступником. Я перепробовал все: от пятистопного ямба до копирования ритма одного из переводов Псалмов Давида. В первом случае получалась конфетка. В последнем – нарочитое подражание Библии (Нарекаци не занимался этим).

Я откладывал ответ на Ваши письма в надежде на близкую возможность сообщить об успехе. Но вынужден писать совсем о другом.

Видимо, Наум¹³ был прав. Он понял, что перевод, как таковой, невозможен, и решил сделать то, что реально осуществимо.

В смущении и растерянности

¹² Михаил Зенкевич (1886-1973), русский советский поэт, писатель, переводчик.

¹³ Наум Гребнев, переводчик «Книги скорби».

Ваш А.Межиров. VII-71. Берлин».

Читал новые подстрочники Нарекаци. (Л.Мкртчян- К.С.)

С Межировым ходили на кладбище (могилы Пастернака, Чуковского).

По дороге пристал к нам котенок – очень ласкался и шел за нами.

– Вот видите, все болит у древа жизни людей...

В исполнении Вертинского слушали Анну Ахматову:

Слава тебе, безысходная боль,

Умер вчера сероглазый король.

Межиров говорил, что это одно из самых гениальных стихотворений.

Читали 2 и 56 главы Нарекаци (подстрочники). Межиров:

– Это так написано, что это невозможно перевести, надо так и издать.

Пришел Евтушенко:

– У меня в Иркутске выходит книга 100-тысячным тиражом. В этой книге напечатано все.

<Евтушенко>: – А вы знаете, что мою поэму о Христе читал ваш Католикос, он мне написал письмо и прислал роскошную книгу¹⁴.

16 августа. Межиров: – Изобретательность у Нарекаци нечеловеческая.

¹⁴ В дневник вложена машинписная копия письма Евг.Евтушенко Католикосу Вазгену-І: «Католикосу ВазгенуА. От поэта Е.Евтушенко Веапар Хайр!

С чувством глубокой любви к Армении в сердце я покинул Вашу землю, но Ваша земля не покинула меня, ибо мое сердце - уже в какой-то степени и армянская территория.

Если Вы помните, то в нашей, к сожалению, короткой беседе мы касались общих вопросов христианства, его влияния на историю человечества, и в частности, мы говорили о личности Иисуса Христа.

Тогда я Вам сказал, что в моей новой поэме есть монолог Христа, и обещал Вам его прислать. Это и делаю сейчас, хотя и с большим опозданием – так как этот монолог только что перевел армянский поэт Г.Бандурян для моей книги, выходящей в Ереване.

Разумеется, моя точка зрения на Христа, возможно, не совсем ортодоксальна с церковной точки зрения, но как нет двух одинаковых людей, так и внутри и самой церкви, видимо, при общих исходных категориях каждый воспринимает Христа по-своему.

То, что я несколько раз прошелся по «попам», опошляющим идею христианства, я думаю, не должно Вас задеть, так как Вам хорошо известно о том, что и внутри церкви, как внутри любой организации, есть свои «лакировщики», свои «бюрократы» и даже свои «палачи». Вспомним хотя бы времена инквизиции. Моя вера в Христа, в его реальное существование – это вера не в иконописный прилизанный лик, а вера в силу человеческого духа, революционного по сути. В то же время история иногда заставляет нас горько задумываться о том, почему же несмотря на величие духа, проявляемое многими сынами человечества, это так ловко, а иногда и грязно используется ополчителями и осквернителями высоких идеалов, завещанных нам героями духа.

Поэтому не воспримите монолог, присылаемый мной, ни как проявление какой-то религиозности, ни как проявление плакатного атеизма. Этот монолог – мои размышления о человечестве, о его пути, о борьбе духа с антидуховностью и о борьбе антидуховности с духом, когда антидуховность рядится в красивую тогу внешней духовности.

Я был бы очень рад, если бы Вы нашли время и изложили бы мне Ваш взгляд на присылаемый мной монолог. Мой адрес: Ж-240, Москва, Котельническая набережная 1\15, корпус Б, кв.215.

Еще раз пользуюсь случаем выразить глубокую любовь к армянскому народу и свое личное уважение к Вам.

Искренне Ваш Ев.ЕВТУШЕНКО.

1974

17 июля, среда. <...> Межиров читал свою поэму «Альтер-эго». Впечатление сильное. <...> Поэма о разорванности современного человека, о его свободе и подчиненности суетным, мелким вещам.

Межиров говорил, что Нарекаци он переводит, что в сегодняшней «Литгазете» он написал статью и там высказана, мол, мысль, что надо продлевать договора, что нельзя планировать работу поэта:

– Я думал о Нарекаци.

30 июля. Вечером встретил Межирова (В Д<оме> т<ворчества>).

– Нарекаци я переведу, не думайте об этом.

– Стихотворение, которое я вам читал, будет напечатано через два-три дня. Почему его печатают, как Вы думаете?

– Помните, мы с Вами в Ереване говорили о Давиде Самойлове, о том, что это поэт книжный. Сейчас он издал книгу «Волна и камень». Это лучшая книга, изданная после революции. У него есть легкомыслие, идущее от мудрости. Какой это поэт!

– Есть книги, которые были изданы небольшими тиражами – 1000 экземпляров, но в какую семью ни войдешь, эти книги найдешь на полке.

1975

1 февраля. Утром говорил по телефону с Межировым А.П.

– Я говорю с трудом. Был в Венгрии, сломал зуб... Разыщите меня, когда вернетесь из Иваново, я вам покажу Нарекаци – впервые.

В дневник 1975 года вложен листок с записью:

Москва, Переделкино.

«Было солнце таким, Как вошедший в столицу мятежник...» – Александр Межиров об этом стихотворении Ахматовой: «Галактики сгорят, а это стихотворение останется». Об Ахматовой <заговорил>– в связи с тем, что у него выходит книга «Под старым небом»:

– Больше никогда мне новой книги не сложить; мне уже 52 года.

– Я уезжаю в Индию. Я член жюри по присуждению деятелям культуры премии им. Дж.Неру. Я должен присутствовать на вручении. В этом году будет вручать Индира Ганди. – Напишите две страницы «Отношение Толстого к буддизму», и вы получите премию. В Англии пишут об Индии, и это их не интересует. А вот у нас это их поражает...

В тот же дневник вложены письма:

«Дорогой Левон,

Пишу по возвращении из Индии, которая стала для меня неожиданно – второй войной, по силе впечатлений и невозможному потрясению сознания. Даже Платон, даже Сенека, Марк Аврелий кажутся мне сейчас премудрыми демагогами, а любой Чаадаев – остроумным денди.

Все, что знал я на русском языке об Индии, ничего о ней не выражало, ни о ее религии, культуре, народах, земле. С юных лет я читал о том, что Индия не отличает добра от зла. Помнил: «Если ты встретишь учителя – убей его. Если ты встретишь Будду – убей его». Но ничего не понимал. А надо-то только совершить, выстрадать путь от Ганга по Бихару, по земле, на которой нельзя существовать, но можно и нужно жить. И только Толстой был там все тысячелетия и есть сейчас и всегда будет. Он был всем и был индусом и был Индией. Но совсем не потому, что первое, что я увидел в Делийском университете, был огромный портрет, лицо молодого Толстого, блаженно-яростное.

Спасибо Вам, что прислали мне Вашего Толстого¹⁵. Я читал жадно, внимательно, и не отвлекала меня Индия, а лишь концентрировала внимание, потому что Толстой уже вошел в состав вашей крови, и я чувствовал это, читая.

Я не могу сейчас писать ничего, даже писем. Но мечтаю повидать Вас. Может быть, мне удастся хоть что-то сказать Вам о своем потрясении.

Ваш

20.VI-75 г.»

«26 июля 1975 г., Дилижан.

Дорогой Александр Петрович!

Вы – поэт, человек острых впечатлений. И Вы – мыслитель, человек, думающий концепциями. Индия, видимо, потрясла и в какой-то мере преобразила в Вас и Поэта, и Мыслителя. Индия – это другая философская концепция и другой поэтический мир. Все другое, но, как Вы пишете, есть и свое, русское – Лев Толстой, его художественное творчество и его философия, грандиозная и какая-то несообразная.

Судя по Вашему письму, Вы теперь живете Индией. Вы переполнены Индией, и нет в Вашей душе места для всего того, что не Индия. Значит ли это, что образ Нарекаци, его поэзия Вас теперь не волнуют? Если это так, значит, время уже упущено...

Я весь июль живу в санатории «Горная Армения». Это в Дилижане. Горы и воздух, чистый, пьянящий Здесь хорошо.

Спасибо Вам за добрые слова о моей скромной статье, посвященной «В. и м.» Толстого. Вы так добры, что всегда меня поддерживали, когда я пробовал писать о русских гениях. Моя статья о Достоевском во многом навеяна Вами. Спасибо.

Искренне Ваш

P.S.Здесь, в Дилижане – Амо Сагиян. Он Вам кланяется» .

«Дорогой Левон, никакой я не поэт и тем более не мыслитель. Однако

¹⁵ Речь о статье Л.Мкртчяна «Война м мир». Портреты и проблемы. Предисловие в кн.: **Լև Տոլստոյ**, Պատկերազմի և խաղաղութային: Եր., Հայաստան, 1975:

увлечения, однажды овладевшие мной, никогда меня не покидали. Не знаю, думал ли я в Индии о Нарекаци. Но его Книга овладела мной навсегда. Если же, как Вы пишете, «время уже упущено», то причина иная. – Постоянное ощущение, что текст моего перевода значительно слабей, бедней, горизонтальной подстрочника. Навязчивое ощущение.

Мне сейчас необходимо повидаться с Вами.

На днях уезжаю в командировку (Варшава-Вена). В сентябре хочу побывать у Вас. Ваш А.Межиров. 16.VIII.75».

1976

29 июня, Переделкино.

<...>О Нарекаци.

– Вы же знаете, что его нельзя перевести. За это время я перевел три поэмы Марцинкявичюса... Я понимаю, у нации свои задачи, нации нужно, чтобы Нарекаци был на русском языке. – Я взял Нарекаци, потому что тогда хотел писать только об этом, но никогда не писал.

<Л.М.>: – Нарекаци для Вас – возможность написать себя.

– Я буду его переводить, и я, и мы все – в нем, в его тексте.

Я прочел все сорок страниц моей Индии¹⁶.

– Написано это сильно, но вы написали о себе.

Я сказал: – Индия – единственная страна, где человек может изменить свое мировоззрение.

Межирову очень понравилось. Повторял:

– Только лучше не мировоззрение, а мирозерцание. Мировоззрение слишком конкретное для нас слово.

30 июня. Утром приходил А.Межиров, он перечитал «Пригоршню живой воды». Замечания Межирова.

– Вы что-то писали, ни о чем не думая, а что-то писали так, чтобы пошло в печать. Поэтому не все у вас ровно.

– Рассуждения об индуизме надо осторожнее.

– Истина есть бог, а бог – истина. Это у вас два раза повторяется.

– Там, где вы цитируете Экклезиаста и пишете об атеизме, надо осторожнее. Атеизм – это ведь тоже религия. Религия отрицания, и иногда более истовая, чем религия христианская.

– Об Индире Ганди. У вас прямолинейно. Она заслуживает восхищения, но иначе. Отвагой, отчаянием. Ее могут убить. В Индии все держится на кастах. Тотализировать страну, не затронув касты, нельзя. Она вся раз-

¹⁶ В феврале 1976 года Л.Мкртчян побывал в Индии, под впечатлением поездки написал очерк «Пригоршня живой воды». Очерк впервые был опубликован в «Գրվիւմի թերթ» (Лит. газета) в июне 1976 г., на арм.яз. На русском яз. был опубликован в журнале «Литературная Армения» (1976, №9). Некоторые замечания Межирова были учтены.

рывается. Она не может создать даже элитарной полиции. Элитарную полицию надо кормить.

Женщина она умнейшая, но со стороны даже слабый ум может увидеть то, что не увидит гений.

– Об Элефанте. Насчет Шивы грубо сказано: человек - он человек и не человек.

– Вы интересовались буддизмом. Буддизму этика не нужна, нужна красота. Апостол Павел говорит: не будь учителем, ибо у всех нас один учитель. А буддисты пошли дальше. Встретишь учителя – убей его. Встретишь будду (Будду!) – убей его. Это, конечно, метафора. Буддизм – сложнейшая, ускользающая и хрупкая религия.

У Межирова только вышла новая книга «Времена» («Сов.Россия, М., 1976»). Он мне показал ее.

– Вот, прочтите это стихотворение.

Я прочел: «Да, ко всему рука человека приложена».

<Межиров> – Это было хорошее стихотворение с хорошим началом:

«...Се человек – его надо убить, – вы сказали,

Как будто себя за бога я, как Иисус, выдаю».

– Это размер, которым я перевожу Нарекаци.

– Но Вы же его не переводите.

– Нет, перевожу.

1977

Осенью 1977 года в Ереване и Цахкадзоре проходил советско-индийский симпозиум. В работе симпозиума принял участие и Александр Межиров. Все записи о симпозиуме сделаны на отдельных листках бумаги и вложены в ежегодник.

21 сентября, среда, Ереван, Союз писателей. Межиров:

– Объективный гений. Например, Пушкин. Субъективный гений – Лермонтов.

– Вообще говоря, все эпигонство. Возрождение и античность!

Я представил Межирова болгарскому писателю Кузману Савову, который был у меня в кабинете:

– Великий русский поэт Александр Межиров.

Межиров:

– Если я великий, то я великий не переводчик Нарекаци.

Эта мысль ему понравилась и потом он говорил:

– Я великий не переводчик Нарекаци. Говорил об этом в университете на семинаре поэзии, в Цахкадзоре на индийско-советском симпозиуме.

Во время индо-советского симпозиума в Цахкадзоре написал Межирову записку (написанная простым карандашом на блокнотном бланке

газеты «Гракан терт» она сохранилась вместе с остальными записями о симпозиуме. – К.С.): «В рамках 30-летия независимости Индии и в рамках блиц-интервью прошу сказать два слова на тему, зачем и кому нужна критика. Вроде, не нужна (и все ею недовольны), но существует и «остепеняется» докторами и профессорами». Межиров ответил словами А.Ахматовой о Герцене: «У него каждая статья дорастает до прозы». Я: – Но разве задача критики в том, чтобы критические статьи достигали до прозы? А самостоятельность жанра? Межиров ответил стихами (прислал записку. – К.С.):

Критика

*Подобно голубю Ковчега,
Одна ему с родного берега
Благою (или не благою) весть приносишь ты,
Одна божественным порывом
Миришь его своим отзЫвом (или отзывом)
И признаешь (или не признаешь) его мечты.*

<...> Межиров: – Хорошо выступал Рафаел Арамян. Он сказал: «Сделайте так, чтобы к нам не присылали плохие индийские фильмы, они разрушают во мне Рабиндраната Тагора».

Индиец Митра сказал:

– Шесть врагов преследуют всю жизнь человека: 1.жадность, 2.ревность, 3.несдержанность, 4.гнев, 5.невежество, 6.желание нравиться.

И когда я сказал: «Какой же это грех – желание нравиться, это такая невинность. Я всегда этого хотел, но безуспешно, увы!», индиец ответил: «Когда человек хочет нравиться, он перестает быть самим собой, а это грех!»

В тот свой приезд Межиров подарил Мкртчяну свою книгу «Времена» с дарственной надписью, сделанной на титульном листе и с использованием помещенного на нем названия: «Дорогому Левону на память о том, какие нынче ВРЕМЕНА... В знак преданности – СТИХИ. А.Межиров. 1.Х.77, Армения». По всей видимости, 1 октября он просто написал книгу, а подарил ее раньше, поскольку на обоих форзацах сделаны записи о поэтическом семинаре в университете:

Четверг, 22 сентября. <Межиров>: Вы задайте мне вопросы или возрадите.

– Я пишу стихи. Поэт – это Лермонтов. ЭТО совсем по другому ведомству. Я приверженец классического стиха, но вместе с тем стихи писать можно как угодно.

– Я хотел вспомнить, какое сильное впечатление я испытал перед отъездом в Ереван... В Москве был вечер поэзии. За мной заехали устроители вечера, летчики. Но тут пришел поэт, известный, и сказал:

– Прославьте меня, вы меня раздуйте.

Летчик мне сказал: «Ах, вот как это делается...»

Мне не хочется уподобиться Фамусову и сказать: «Вы, нынешние, ну-тка!», но вместе с тем я не могу представить, чтобы Шубин или Гудзенко¹⁷ пришли и сказали: «Напиши о моей книге положительную рецензию». Они бы умерли от стыда.

Мы вернулись из академии (военной. – К.С.), где был вечер поэзии, я позвонил <этому> поэту и сказал: «Что же ты меня позоришь перед вооруженными силами?»

– Сейчас идет индийский симпозиум в горах над Ереваном. Индийских писателей интересует влияние литературы на жизнь, можно ли учиться у Толстого жить? Это смешно. Можно учиться у Толстого жизни, учиться, как жить.

– К сожалению, насущный хлеб поэзии стал многим казаться легким. Успеха сейчас добиваются крайностями – эстетическими, моральными, политическими, духовными, – и нужна смелость, чтобы от этого отказаться, выработать как вызов отказ и презрение к лжепророчеству, к лжебезумию. Для этого надо признать истинность труда поколений. Но не будем ослеплены собственным консерватизмом и признаем, что во всем этом «новом» с иррационально-романтическим привкусом в его сердцевине все же есть что-то, и даже отчаяние, которого из пальца не высосешь. Но на одного визионера Ницше тысяча тех, кому в литературе полагалось бы идти путем самым обычным, сочиняя стихи о цветах и бытовые романы.

У Леонтьева есть одна фраза, за которую его прокляли все – либералы, консерваторы, славянофилы, западники, потому что они ее не поняли. Леонтьев сказал: «Россию надо подморозить». Что это значит? Это вовсе не означает призыва к усилению тирании и самоуправства государственных институтов. Леонтьев понимал трагическую вне­традиционность русской жизни. Он сказал о том, что надо подморозить те немногие традиции, уклад и обычаи, устои, которые имеются, потому что он ясно видел, что Петр разрушил понятие о чести – такую основу основ, а новые не очень появляются. Если бы я говорил о современной поэзии русской, я сказал бы: «Поэзию надо подморозить».

О Нарекаци: – Много лет назад мне был вручен подстрочник Нарекаци. Меня настолько потряс этот подстрочник, и я даже был свидетелем того, как Ахмадулина, читая у меня дома подстрочник Нарекаци, плакала.

Я хотел переводить. Но что бы я ни делал, я видел, что я теряю, теряю

¹⁷ П. Н. Шубин (1914-1950) – русский советский поэт, журналист, переводчик. С.П.Гудзенко (1922-1953) – русский советский поэт, журналист, военный корреспондент.

много. Нарекаци – поэт сложный и величественный. Ни на что в мире не похожий. Это богоборец (в моем понимании). Он чем-то родствен праотцу Иакову. При огромных периодах, своеобразном синтаксисе, у него смертельный инстинкт лаконизма. Его стих аскетичен при всей, казалось бы, роскоши. Нарекаци необходимо перевести прозой, без поползновения на стихи.

30 сентября. Запись на странице дневника: Межиров-поэт становился достопримечательностью мира, но он, чтобы еще крепче утвердиться, бросил себя и стал изучать все, что по-настоящему в мире культуры достопримечательно. Он многое приобрел, он стал собеседником бесподобным. А поэт в нем пропал. Был пресный источник – и немного бы соли в пресную его воду. Межиров засыпал источник тоннами соли, всей мудростью человеческой.

1980

21 февраля. Встретил в Союзе писателей¹⁸ Межирова, поехали к ним домой обедать. (Сетовал, что не живет в Переделкино: «Жить бы там безвыездно»).

Дома Межиров (за обедом и после, у него в кабинете) сказал, что написал стихи об Индии: – Прочтите. Вы читали какое-нибудь русское стихотворение об Индии? Назовите хоть одно. Индия – это же инобытие, а об инобытии писать невозможно. Это можно только увидеть.

Я сказал, что в Индии, на самом юге видел старика, который шел с протянутой рукой, но ни на кого не глядел и милостыни не ждал. И хорошо был одет... Меня этот старик удивил, если он просит, почему же рука протянута в пространство, ко всему и ни к кому... Оказалось, что это особый род людей, которые вымаливают милостыню не у людей, а у Бога.

Межиров сказал, что он написал о таком нищем. Только это был притворщик. Он делал вид, что просит у Бога. Я понял, что когда мы подойдем к машине, он придет и попросит. Так и случилось. Прочел стихотворение о нищем в Калькутте и еще одно стихотворение о том, что он брат индийцу, он там живет, а тот в Москве.

– Я очень много писал, сейчас это прекратилось.

1983 г.

30 апреля 1983 г. <...> Вечером заехал ко мне в гостиницу «Москва» Межиров. С ним был Сергей Мнацаканян (поэт, его слушатель на Высших литературных курсах). Поехали к Межирову в Переделкино (на дачу).

Межиров: – Как Вы могли доверить Нарекаци Микушевичу, человеку талантливому, но рифмоплету. Он может переводить то, что от рассудка.

¹⁸ В Москве, где 20 февраля 1980 г. начал работу Пленум Совета по критике СП СССР.

Нарекаци – это же лава, поток... Миль переведет еще хуже... Но главное не в этом. Произошли перемены. Нарекаци – величайший поэт. Но сейчас к религии другое отношение.

<...>

Когда я говорил, что Микушевич перевел Нарекаци плохо:

– А вы хотели, чтобы я перевел Нарекаци. Теперь всё это вы бы говорили мне. Мы бы здесь с вами не стояли.

– Синельников принес мне книгу Гранта Матевосяна. Какая у вас теперь сильная проза.

– Не зная армянского языка, я могу сказать, что Амо Сагиян – истинный поэт. Я его помню, молчаливого, даже угрюмого. Помню, как он сказал о маках и поэзии.

<Л.М.>: – Жаль, что вы не перевели Нарекаци. – Я виноват. Я эгоистически чувствовал, что, если даже мне будет сопутствовать удача, все равно перевод вызовет всеармянское возмущение. Начнут сравнивать с оригиналом и возмущаться.

1984

Конец ноября. Как я Межирова представлял на Госпремию СССР. В конце ноября или начале декабря 1984 года в одной из центральных газет сообщалось, что прием документов на Государственную премию по литературе Комитет заканчивает 15 декабря. Мало остается времени, подумал я, надо поторопиться. Я еще не знал, сколько кандидатов выдвинуто.

10 декабря. Сдал в Комитет по премиям недостающие документы Межирова. <...> Секретарша (Бурова): – Межиров у нас никогда не проходил. Винокуров представлялся, а Межиров нет.

1985

7 мая. Межиров (о выдвижении на Госпремию): – Я игрок, я об этой игре никогда не думал, но раз возникла эта игра, надо либо проиграть, либо выиграть ее.

24 мая. Позвонил Грант Матевосян: – Ты наверное уже знаешь, что в списке допущенных на соискание Госпремии, Межирова нет.

Узнав, что комиссия отложила дела на следующий год, что борьба за премию еще продолжается, что я написал письмо Михалкову, чтобы он выдвинул еще одну книгу Межирова («Тысяча мелочей», М., 1984), Грант обрадовался.

По представлению факультета русского языка и литературы Ереванского государственного университета и Союза писателей РСФСР Александр Межиров стал лауреатом Госпремии СССР в 1986 году.

Во вводном слове к публикуемым дневниковым записям Левона Мкртчяна я упомянула записку Межирова Виктору Некрасову.

В марте 1987 г. Мкртчян был командирован во Францию, где ему

предстояло прочитать курс лекций по русской литературе в университете им.Поля Валери в Монпелье. В Париж он летел через Москву, где, как обычно встретился с Александром Межировым. И тот, порекомендовав ему встретиться с Виктором Некрасовым, написал записку. Текст записки переписан Мкртчяном на странице дневника 7 марта:

«6.3.87. Москва.

Родной Виктор, рад поводу обратиться к тебе. А то столько лет опять прошло. Всегда скучаю по тебе и люблю тебя.

Чсть имею представить тебе моего близкого друга, благородного человека и замечательного литератора Левона Мкртчяна, исследователя армянской и русской литературы.

Бог даст, увидимся с тобой. Я мечтаю об этом.

Преданный тебе Саша Межиров».

К сожалению, встреча Мкртчяна с Некрасовым не состоялась: по приезде в Париж, Мкртчян позвонил Некрасову, и они договорились встретиться после возвращения Мкртчяна из Монпелье, куда он уезжал ранним утром следующего дня. Однако, вернувшись в Париж через три недели, Мкртчян не смог дозвониться до Некрасова. О том, что Некрасов был неизлечимо болен и что он был госпитализирован для прохождения очередного курса лечения, Мкртчян узнал от Межирова после своего возвращения в Москву. Спустя несколько месяцев, в сентябре того же 1987 года Виктор Некрасов скончался. В дневнике Мкртчяна 1987 года страница с переписанной им запиской Межирова заложена оригиналом...

Ключевые слова: Левон Мкртчян, Межиров, контакты, архив, дневник, поэзия, перевод, Нарекаци

ԿԱՐԻՆԵ ՍԱՀԱԿՅԱՆՑ – Ալեքսանդր Մեծիրովը Լևոն Մկրտչյանի օրագրերում – Սույն հրատարակումը «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Ռուս բանասիրություն» հանդեսում հրատարակված «Լևոն Մկրտչյանի արխիվից» հոդվածաշարի շարունակությունն է: Գրականագետ, թարգմանության տեսաբան, գրաքննադատ, ԵՊՀ պրոֆեսոր և ԳԱԱ ակադեմիկոս Լևոն Մկրտչյանի (1933-2001) արխիվում պահպանվել են բազմաթիվ տարաբնույթ տեքստեր, փաստաթղթեր, որոնք լուսաբանում են մասնավորապես նրա գրական նշանակալի շփումները և արժեքավոր են 20-րդ դարի երկրորդ կեսի հայ-ռուսական գրական-մշակութային կապերի ուսումնասիրության առումով:

Լևոն Մկրտչյանի օրագրային գրառումները, որոնք ներկայացված են սույն հրատարակման մեջ, արտացոլում են հայտնի բանաստեղծ և թարգմանիչ Ալեքսանդր Մեծիրովի (1923-2009) հետ նրա բազմամյա շփումների բովանդակությունն ու բնույթը: Դրանք ներառում են նաև Մեծիրովի մեծ հետաքրքրությունը Նարեկացու «Մատյան ողբերգության» պոեմի նկատմամբ:

Բանալի բառեր - Լևոն Մկրտչյան, Մեծիրով, շփումներ, արխիվ, օրագիր, պոեզիա, թարգմանություն, Նարեկացի

KARINE SAHAKYANC – *Alexander Mezhirov in the Diary Entries of Levon Mkrтчhyan*. – The paper follows a number of articles, published earlier in “The Bulletin of Yerevan University. Russian Philology” under the single title “From the Archives of Levon Mkrтчhyan”. The archive of literary critic, professor of the Yerevan State University specialized in translation studies, academician of the National Academy of Sciences of Armenia L. Mkrтчhyan (1933-2001) preserves numerous texts and documents which, in particular, highlight L. Mkrтчhyan’s literary contacts, remarkable for the examination of Armenian-Russian literary-cultural links from the second half of the XX century. The presented diary entries testify the nature and contents of his long communication with the famous Russian poet and poetry translator Alexander Mezhirov (1923-2009), including the latter’s high interest towards “The Book of Lamentations” by Narekatsi.

Key words: *Levon Mkrтчhyan, Mezhirov, contacts, archive, diary, poetry, translation, Narekatsi*

Поступление: 01.11.2019

Рец.: 22.11.2019

Принято к печати: 05.12.2019